

ИЗМЕНА

— ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА —

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Измена. Цена предательства

<https://litres.ru/74216203>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Скажи мне честно – ты изменяешь мне?

Тишина. Долгая. Мучительная.

— Да, – говорит он наконец, и это одно слово убивает меня. Просто убивает.

Я стою, и весь мир вокруг кружится, уходит из-под ног. Да. Он сказал «да». Он не стал отрицать, оправдываться, лгать. Просто «да».

— С Полиной? – шепчу я, хотя уже знаю ответ.

— Да.

— Давно?

Он колеблется. Потом:

— Полгода.

Полгода. Шесть месяцев он жил двойной жизнью. Приходил домой, целовал меня, играл с детьми – и все это время любил другую. Полгода я была идиоткой, которая ничего не замечала, ничего не знала.

— Почему? – спрашиваю я, и голос мой дрожит. – Почему ты не сказал раньше? Почему заставлял меня жить в этой лжи?

Он отводит взгляд.

— Я не хотел ранить тебя.

Смешно. Он не хотел ранить меня. А что сейчас? Что это, если не рана? Не пытка?

— Ты любишь ее? – задаю я вопрос, на который боюсь услышать ответ.

Он молчит. Но молчание – это тоже ответ.

— Я... да. Я разлюбил тебя, Алина. Прости.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ульяна Соболева

Измена. Цена предательства

Глава 1

От лица Алины

Счастье. Я знаю его вкус. Знаю его запах. Оно пахнет свежеиспеченным хлебом и детским шампунем. Оно звучит как смех Саши и лепет Лизы. Оно ощущается как прикосновение Матвея к моей щеке, когда он думает, что я сплю. Счастье – это мой дом. Моя крепость. Моя вселенная.

Я стою у окна нашей гостиной, и утреннее солнце заливает все вокруг золотом. Такое теплое, такое нежное. За окном наш сад просыпается – розы раскрывают лепестки, как будто тянутся к небу, словно я тянусь к этому дню, к этой жизни, к этому невероятному ощущению полноты. Я – счастлива. Боже, как же я счастлива! Эти слова звучат в моей голове как молитва, как мантра, как благодарность всем силам Вселенной за то, что я здесь, сейчас, в этом доме, с этими людьми. С моей семьей.

За моей спиной слышу шаги. Легкие, быстрые – это Саша несет вниз по лестнице, как маленький ураган.

— Мама! Мама, смотри, что я нарисовал!

Я оборачиваюсь, и сердце мое переполняется такой нежностью, что хочется плакать. Мой мальчик. Пять лет, огромные серые глаза – точь-в-точь как у Матвея, копна непослушных светлых волос, улыбка до ушей. Он протягивает мне лист бумаги, весь измазанный красками, гордый, сияющий.

— Это мы! – объявляет он торжественно. – Папа, мама, я и Лизка!

На рисунке – четыре кривые фигурки, держащиеся за руки. Над ними огромное желтое солнце и что-то, отдаленно напоминающее наш дом. Детский рисунок. Неумелый, простой. Но в нем – вся наша жизнь. Вся наша любовь. Я опускаюсь на колени рядом с Сашей и прижимаю его к себе. Крепко. Так крепко, что он начинает хихикать и отбиваться.

— Ма-а-ам, ты меня задушишь!

Но я не могу отпустить. Не хочу. Хочу впитать в себя этот момент, этот запах детства, этот смех, эту безусловную, чистую радость.

— Саша, это самый лучший рисунок в мире, – шепчу я ему на ухо. – Самый-самый лучший.

Он гордо кивает, освобождается из моих объятий и снова несется прочь – теперь уже будить Лизу. Я остаюсь на полу, держа в руках его рисунок, и улыбаюсь. Улыбаюсь до боли в скулах. Моя жизнь. Моя идеальная, прекрасная жизнь.

Матвей спускается следом. Я слышу его шаги еще до того, как вижу. Тяжелые, уверенные. Он всегда ходит так – как хо-

зьяин мира, как человек, который знает, чего хочет, и всегда этого добивается. Мой Матвей. Высокий, широкоплечий, с этим пронзительным взглядом, который когда-то заставил мое сердце остановиться. Я помню тот день. Помню, как он вошел в кафе, где я работала официанткой, как посмотрел на меня – и все. Все изменилось. Мир перевернулся, закружился, превратился в калейдоскоп красок и эмоций.

Он выбрал меня. Из всех женщин в мире – меня. Обычную, простую Алину, без особых талантов, без блестящего образования, без модельной внешности. Он увидел что-то во мне. Что-то, что заставило его остановиться, улыбнуться и сказать: «Вы самая красивая женщина, которую я когда-либо видел». Я не поверила тогда. Смеялась, краснела, отмахивалась. Но он не отступал. Он добивался меня месяцами. Дарил цветы, писал записки, водил на свидания. Он влюбил меня в себя так сильно, что я перестала дышать без него. А потом он сделал предложение. И я сказала «да». Конечно, сказала «да». Как можно было сказать что-то другое?

Матвей входит на кухню, и я уже там – готовлю завтрак. Яичница, тосты, свежавыжатый апельсиновый сок. Его любимое. Я знаю все его любимые блюда, все его привычки, все его слабости. Я изучила его, как самую интересную книгу в мире. И я не устаю перечитывать.

— Доброе утро, – говорю я, и голос мой звучит слишком радостно, слишком звонко.

Он поднимает взгляд от телефона – всегда этот телефон,

всегда эти сообщения, эти звонки – и улыбается. Но улыбка какая-то... не такая. Не такая, как раньше. Мне показалось? Нет. Не может быть. Я слишком много думаю. Слишком много волнуюсь из-за пустяков.

— Доброе, – отвечает он, и голос его звучит ровно, спокойно.

Слишком спокойно? Я подхожу к нему, встаю на цыпочки и целую в щеку. Он пахнет своим одеколоном, тем самым, который я подарила ему на прошлый день рождения. Терпкий, мужской, родной. Но он не обнимает меня в ответ. Просто стоит, держа телефон в руке, и его взгляд снова скользит по экрану.

— Матвей, – говорю я тихо, – ты в порядке?

Он вздрагивает, как будто я вернула его из каких-то далеких мыслей, и быстро убирает телефон в карман.

— Да, конечно. Просто работа. Много дел.

Работа. Конечно. Его бизнес процветает. Он успешен, востребован, у него куча партнеров, контрактов, встреч. Я горжусь им. Так горжусь, что иногда не могу поверить – этот человек, этот потрясающий, сильный, умный мужчина – мой. Мой муж. Отец моих детей. Я улыбаюсь и накрываю на стол.

— Завтрак готов. Садись, я позову детей.

Он кивает, садится, снова достает телефон. И что-то во мне... сжимается. Что-то совсем маленькое, незаметное. Как крошечная трещина на идеальном зеркале. Ее почти не вид-

но. Но она есть. Я отмахиваюсь от этого ощущения. Глупости. Я слишком чувствительна. Слишком мнительна. Все хорошо. Все прекрасно.

День проходит, как обычно. Я отвожу детей в садик, возвращаюсь домой, убираюсь. Стираю, глажу, готовлю обед. Наш дом – это мое царство, мое творение. Каждая деталь здесь – моя. Каждая подушка на диване, каждая фотография на стене, каждый цветок в вазе. Я создала этот мир. Для нас. Для моей семьи. Я люблю это. Люблю заботиться о них, окружать их теплом, создавать уют. Это мое призвание. Моя миссия. Я – жена, я – мать. И я счастлива в этих ролях. Разве не так? Конечно, так.

Вечером Матвей приходит поздно. Снова. Уже третий раз за эту неделю. Дети уже спят, я сижу в гостиной, прижав к груди чашку остывшего чая, и жду. Всегда жду. Дверь открывается, и он входит. Усталый. На его лице – следы напряжения, в глазах – что-то отстраненное, далекое.

— Привет, – говорит он, и даже не смотрит на меня. Сразу идет к лестнице, к спальне.

— Матвей, – окликаю я, и голос мой дрожит. Почему дрожит? – Ты ужинал?

Он останавливается, оборачивается.

— Да. На встрече.

Встреча. Снова встреча.

— Ты мог бы позвонить, – говорю я, и слова выходят тише, чем я хотела. – Я готовила твоё любимое. Ждала.

Он вздыхает. Долго, тяжело. Как будто я – обуза. Как будто я – проблема.

— Алина, я устал. Можем не сейчас?

Не сейчас. Когда же тогда? Но я молчу. Киваю. Улыбаюсь, хотя лицо кажется деревянным.

— Конечно. Иди, отдохни.

Он уходит наверх, и я остаюсь одна. В этой гостиной, которую я так тщательно обустроивала, которая должна была быть сердцем нашего дома. А сейчас она кажется... пустой. Холодной.

Ночью я лежу рядом с ним, и он спит. Ровно дышит, отвернувшись от меня. Между нами – пропасть. Всего несколько сантиметров, но ощущается как океан. Я протягиваю руку, хочу коснуться его плеча, но останавливаюсь на полпути. Страшно. Мне страшно. Страшно, что он отстранится. Что скажет, что устал. Что снова посмотрит на меня этим взглядом – отстраненным, холодным, как будто я – незнакомка. Я отдергиваю руку и сворачиваюсь калачиком на своей стороне кровати.

Все хорошо. Просто он устал. Много работает. Это временно. Скоро все наладится. Скоро он снова будет моим. Моим Матвеем. Тем, кто целовал меня по утрам, кто смеялся над моими шутками, кто говорил, что я – смысл его жизни. Все вернется. Обязательно вернется. Я закрываю глаза и заставляю себя поверить в это. Заставляю себя не думать о холоде, который поселился между нами. О том, как он смот-

рит в телефон. О том, как пахнет чужим парфюмом, когда приходит домой. Чужим. Не моим. Мне показалось. Конечно, показалось.

Утро. Снова утро. Я готовлю завтрак, как всегда. Улыбаюсь, как всегда. Обнимаю детей, как всегда. Матвей спускается, садится за стол. Телефон в руке. Снова.

— Матвей, – говорю я, и голос мой звучит слишком настойчиво, – может, сегодня вечером мы куда-нибудь сходим? Вдвоем? Давно мы не были наедине.

Он поднимает взгляд, и в его глазах – раздражение. Легкое, едва уловимое, но оно есть.

— Алина, у меня сегодня важная встреча. Не могу.

— Тогда завтра? Или на выходных?

— Посмотрим.

Посмотрим. Это его новое любимое слово. «Посмотрим». Как отговорка. Как стена, за которой он прячется. Я стискиваю зубы, чтобы не заплакать. Не здесь. Не сейчас. Не при детях.

— Хорошо, – шепчу я. – Посмотрим.

Он встает, целует меня в макушку – механически, как будто выполняет обязанность – и уходит. Дверь закрывается. И я стою посреди кухни, держась за край стола, и пытаюсь дышать. Дышать. Что происходит? Что со мной происходит? Почему мне так страшно?

Вечером я сижу с Сашей на полу, мы строим башню из кубиков. Лиза рядом, с куклой в руках, что-то напевает. Обыч-

ный вечер. Обычная рутина. Но мне не хватает воздуха. Что-то не так. Что-то в корне не так, и я не могу понять, что именно. Телефон Матвея лежит на журнальном столике. Он ушел в душ, забыв его здесь.

Я смотрю на него. Долго. Слишком долго. Не надо. Не смотри. Не проверяй. Но рука сама тянется. Сама берет телефон. Экран загорается. Сообщение. Новое. От Полины. «Жду тебя завтра. Как обычно. Не опаздывай, милый». Милый. Милый?

Сердце останавливается. Просто останавливается, и мир замирает вместе с ним. Нет. Это не то, о чем я думаю. Это не может быть тем, о чем я думаю. Полина. Это... коллега. Да, коллега. Партнер по бизнесу. Ничего страшного. Ничего такого. Милый – это просто... просто так говорят. Просто фигура речи. Я кладу телефон обратно. Руки дрожат. Всё тело дрожит. Нет. Я не буду об этом думать. Не буду.

Но я думаю. Всю ночь. Всю следующую ночь. И ту, что после. Я смотрю на него, и вижу чужого человека. Как давно это началось? Как давно он перестал быть моим? Я пытаюсь поймать его взгляд за завтраком, за ужином, но он ускользает. Всегда ускользает. Я пытаюсь обнять его ночью, но он отстраняется. «Устал». Всегда устал. От меня. Он устал от меня.

Мой мир трещит по швам, но я из последних сил держу его вместе. Улыбаюсь детям. Готовлю еду. Убираюсь в доме. Делаю вид, что все хорошо. Все хорошо. Все прекрасно.

Идеально. Но под кожей – лезвие. Острое. Холодное. Оно режет изнутри, и я истекаю кровью, которую никто не видит.

Я стою у зеркала в ванной и смотрю на свое отражение. Кто ты? Когда ты стала... этой? Бледное лицо, темные круги под глазами, волосы, собранные в небрежный пучок. Домашняя одежда. Никакого макияжа. Никакой красоты. Я – скучная. Предсказуемая. Обыденная. Он устал от меня, потому что я – это я. Обычная. Ничем не примечательная. А там, за стенами этого дома, есть другие. Яркие, интересные, страстные. Полина. «Милый».

Слезы текут по щекам, но я вытираю их, быстро, резко. Нет. Не сейчас. Не надо. Я должна быть сильной. Ради детей. Ради семьи. Ради этого дома, который я построила из ничего, из любви, из веры. Все еще можно исправить. Я могу исправить. Я просто должна постараться сильнее. Быть лучше. Красивее. Интереснее. Я справлюсь. Обязательно справлюсь.

Но ночью, когда он снова приходит поздно, пахнувший чужим парфюмом, когда он целует меня в щеку и идет спать, даже не взглянув в мои глаза – я понимаю. Я уже проиграла. Эта война окончена, хотя я даже не знала, что она началась. Мой Матвей. Моя любовь. Мой мир. Он уже не мой.

Я лежу в темноте и смотрю в потолок. Сердце болит. Физически болит, как будто кто-то сжимает его в кулаке и выкручивает. Но я не плачу. Не могу плакать. Потому что если начну – не остановлюсь. А мне нужно быть сильной. Завтра

утром я снова встану, улыбнусь, приготовлю завтрак. Обниму детей. Поцелую мужа. Буду делать вид, что моя идеальная жизнь по-прежнему идеальна. Даже если под этой картинкой – одна сплошная трещина. Даже если я чувствую лезвие под кожей, которое режет, режет, режет...

Идеально. Слишком идеально? Нет. Не может быть. Мой Матвей. Мой. Навсегда. Но почему же тогда этот холод? Почему эта пустота? Почему я чувствую, что теряю его? Теряю все?

Глава 2

От лица Алины

Я больше не сплю. Совсем. Ночи превратились в бесконечную пытку, когда я лежу рядом с ним, чувствую его тепло – такое близкое, такое недостижимое – и понимаю, что теряю его. Медленно. Неотвратно. Как песок сквозь пальцы.

Прошла неделя с того момента, как я увидела то сообщение. Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Десять тысяч восемьдесят минут абсолютного, всепоглощающего ужаса. Я считаю. Считаю каждую секунду, каждый взгляд, каждое его слово, пытаюсь понять – когда? Когда это случилось? Когда мой Матвей перестал быть моим?

Я не спросила его. Не могу. Слова застревают в горле, превращаются в острые осколки, которые режут изнутри. Потому что если я спрошу – он ответит. А я не хочу слышать правду. Не хочу, чтобы мой мир окончательно рассыпался в прах. Пока я молчу, пока делаю вид, что ничего не знаю – я могу притвориться, что все еще в порядке. Что мы все еще семья. Что он все еще любит меня.

Но притворство – это хрупкая, тонкая нить. И она рвется с каждым днем.

Он приходит все позже. Вчера вернулся в полночь. Позавчера – в час ночи. Сегодня уже половина второго, а его все нет. Я сижу в гостиной, закутавшись в плед, который мы

вместе выбирали на ярмарке три года назад. Помню, как он обнял меня тогда, прижал к себе и прошептал: «С тобой я дома. Всегда». Теперь этот плед – просто кусок ткани. Холодный. Бесполезный. Как и все наши воспоминания, которые больше ничего не значат.

Я пью чай. Уже пятая чашка за вечер. Он давно остыл, но я продолжаю делать глотки, просто чтобы занять руки, чтобы не думать, не представлять, где он сейчас. С кем он сейчас.

Полина. Это имя жжет мой мозг, как раскаленное клеймо. Полина. Кто она? Как она выглядит? Красивая? Умная? Интересная? Что в ней такого, чего нет во мне? Я гуглила ее. Да, я опустилась до этого. Нашла профили в соцсетях, фотографии. Яркая брюнетка с точеными чертами лица, всегда безупречно одетая, всегда с этой уверенной, хищной улыбкой. Коллега Матвея. Партнер по нескольким проектам. Молодая, амбициозная, успешная.

Все, чем я не являюсь.

Я смотрела на ее фотографии часами. Изучала каждую деталь, каждый изгиб, каждую улыбку. Пыталась понять, что видит в ней Матвей. И с каждой минутой ненавидела себя все сильнее. Потому что я поняла. Она – это все то, чем я никогда не стану. Она – свободная, яркая, живущая в мире больших возможностей и амбиций. А я? Я – домохозяйка. Мама. Жена. Обычная, серая, скучная.

Скука. Он говорил об этом. «Скука быта». Эти слова впились в мое сердце, как ядовитые шипы. Значит, я – скука?

Наш дом – скука? Наши дети – скука? Все, что я создавала, все, во что вкладывала душу – это просто... ничто?

Я встаю, подхожу к зеркалу в прихожей. Смотрю на себя. Бледное лицо, измученное бессонницей. Волосы растрепаны. Домашний халат, который я надела после душа, старый, выцветший. Никакого макияжа. Никакого блеска в глазах. Я вижу перед собой тень. Призрак той девушки, в которую когда-то влюбился Матвей.

Когда я превратилась в это? Когда перестала быть женщиной и стала просто функцией? Мамой, которая готовит, убирает, стирает. Женой, которая ждет, молчит, прощает.

Слезы текут по щекам, но я даже не вытираю их. Пусть. Пусть текут. Все равно никто не видит. Никому нет дела до моей боли.

Дверь открывается. Звук ключа в замке заставляет меня вздрогнуть. Я быстро вытираю лицо рукавом халата, разглаживаю волосы, пытаюсь собрать себя в кучу. Улыбка. Мне нужна улыбка. Я должна улыбаться. Всегда улыбаться.

Матвей входит. Его лицо усталое, но в глазах – что-то еще. Удовлетворение? Счастье? Я не могу разобрать. Но точно не то выражение, которое должно быть у человека, возвращающегося домой после тяжелого рабочего дня.

— Привет, – говорю я, и голос мой звучит чужим, слишком высоким, слишком напряженным. – Как дела? Ты ужинал?

Он даже не смотрит на меня. Вешает куртку, стягивает

ботинки.

— Да, ужинал. Иди спать, Алина. Поздно уже.

Иди спать. Как будто я – ребенок, которого нужно отправить в кровать. Я стискиваю кулаки, ногти впиваются в ладони.

— Я ждала тебя, – говорю тихо. – Хотела поговорить.

Он останавливается, наконец поднимает на меня взгляд. И в этом взгляде – раздражение. Нескрываемое, острое, как нож.

— О чем, Алина? О том, что я много работаю? Что задерживаюсь? Мы уже это обсуждали.

— Нет, – я делаю шаг к нему, сердце бешено колотится. – Мы ничего не обсуждали. Ты просто уходишь, приходишь, когда хочешь, и я... я просто должна молчать?

Он вздыхает. Этот долгий, тяжелый вздох, которым обычно выражают бесконечную усталость от чьего-то присутствия.

— Алина, я устал. Очень устал. Можем мы не устраивать сцен посреди ночи?

Сцен. Я устраиваю сцены. Я, которая молчала неделями, проглатывая боль, страх, унижение – я устраиваю сцены.

— Матвей, – голос мой дрожит, и я ненавижу эту дрожь, эту слабость. – Что происходит? Скажи мне. Пожалуйста, просто скажи. Я чувствую... я чувствую, что теряю тебя.

Он смотрит на меня долго. Слишком долго. И в его глазах – холод. Такой холод, что я замерзаю изнутри.

— Алина, ничего не происходит. Ты слишком много думаешь. Придумываешь проблемы на пустом месте.

— На пустом месте? – голос мой становится громче, и я уже не могу остановиться. – Ты приходишь домой, пахнущий чужим парфюмом! Ты не смотришь на меня! Ты не разговариваешь со мной! Ты... ты больше не здесь! Не с нами!

Тишина. Долгая, тяжелая, давящая. Он смотрит на меня, и я вижу, как в его глазах что-то меняется. Раздражение сменяется... чем? Виной? Злостью? Я не могу понять.

— Чужим парфюмом? – повторяет он, и в его голосе – насмешка. – Ты серьезно? Алина, я работаю с людьми. С разными людьми. Это ничего не значит.

— Полина, – вырывается из меня. – Ее зовут Полина, да? Он замирает. Совсем. Как будто время остановилось. И я вижу. Вижу, как его лицо бледнеет, как челюсть сжимается. Я попала. Боже, я попала в точку.

— Ты следишь за мной? – голос его становится ледяным. – Проверяешь мой телефон?

— Я видела сообщение! – кричу я, и мне уже все равно, что дети спят наверху, что я теряю остатки самообладания. – Случайно! Ты забыл телефон, и я увидела! «Милый»! Она называет тебя «милый»!

Матвей делает шаг назад, проводит рукой по лицу. Долго молчит. Когда он наконец говорит, голос его звучит устало, но в нем слышится что-то еще. Решимость.

— Алина... это сложно.

— Что сложно? — я подхожу ближе, и слезы снова текут по моему лицу. — Что сложного? Объясни мне! Просто скажи правду!

Он смотрит на меня, и в его взгляде — что-то, от чего хочется кричать, бежать, исчезнуть.

— Я... я не знаю, как это объяснить. Мне нужно пространство. Время подумать.

— Подумать? — смеюсь я, и смех этот звучит истерично, безумно. — О чем подумать? О нас? О семье? О том, что у тебя есть жена и двое детей?

— Не делай из этого драму, — он отворачивается, идет к лестнице. — Я просто... устал. От всего этого. От быта. От предсказуемости. От...

Он не договаривает, но мне не нужны слова. Я знаю, что он хотел сказать. От меня. Он устал от меня.

— От меня, — шепчу я. — Ты устал от меня.

Он не отрицает. Просто стоит, спиной ко мне, и его молчание — это приговор.

— Матвей, — голос мой ломается, и я падаю на колени. Да, я падаю на колени перед ним, и мне все равно, как это выглядит, как унижительно, как жалко. — Пожалуйста. Я могу измениться. Я стану лучше. Я... я сделаю все, что ты хочешь. Только не уходи. Не оставляй нас.

Он оборачивается, смотрит на меня сверху вниз. И в его глазах — жалость. Он жалеет меня. Жалеет, и это больше любых слов.

— Алина, встань. Не надо так.

— Тогда скажи, что все будет хорошо! – кричу я сквозь слезы. – Скажи, что ты останешься! Что мы справимся!

Он молчит. Долго. Слишком долго. А потом говорит то, что разрывает меня на части:

— Я не могу этого сказать.

Мир рушится. Все, что я строила, все, во что верила – рассыпается в прах за одну секунду. Я сижу на полу, и мое сердце кричит так громко, что я не слышу ничего вокруг. Только этот крик. Только эту боль.

Матвей поднимается по лестнице, оставляя меня одну. Совсем одну. И я понимаю – это конец. Конец всему.

Утро. Я не помню, как добралась до кровати. Не помню, как заснула. Помню только боль. Она никуда не делась. Она здесь, внутри, пульсирует с каждым ударом сердца.

Матвей уже ушел. Рано утром, даже не попрощавшись. На кухонном столе – записка: «Задержусь. Не жди». Все. Четыре слова. Вот и все, что осталось от нашего брака.

Я готовлю завтрак для детей механически. Наливаю молоко, намазываю масло на тосты, улыбаюсь, когда Саша показывает мне новый рисунок. Но внутри – пустота. Огромная, зияющая дыра, которую ничем не заполнить.

— Мама, ты плакала? – спрашивает Саша, и его серые глаза – глаза Матвея – смотрят на меня с беспокойством.

— Нет, солнышко, – лгу я, целую его в макушку. – Просто устала. Все хорошо.

Все хорошо. Я повторяю эту мантру снова и снова, пока не начинаю верить. Или делать вид, что верю.

Дни сливаются в один бесконечный кошмар. Матвей почти не ночует дома. Когда приходит – ведет себя так, будто я – мебель. Невидимая, бесполезная. Он не смотрит на меня. Не разговаривает. Просто существует в параллельной реальности, где меня нет.

А я продолжаю играть роль. Роль идеальной жены. Готовлю его любимые блюда, хотя он их не ест. Глажу его рубашки, хотя он надевает их и уходит к ней. К Полине. К той, кто дает ему то, чего не могу дать я.

Что именно? Страсть? Свободу? Ощущение новизны? Я не знаю. Не понимаю. Но с каждым днем все больше ненавижу себя за то, что не могу быть этим.

Я стою перед зеркалом и пытаюсь увидеть себя его глазами. Что не так? Мои глаза? Мое тело? Мой характер? Может, я слишком мягкая? Слишком покорная? Слишком... любящая?

Я хочу кричать. Хочу разбить это зеркало, разрушить этот дом, сжечь все, что напоминает о нашей «идеальной» жизни. Но вместо этого я просто стою и плачу. Тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал.

Прошло три недели. Три недели ада. Матвей вчера не пришел вообще. Ни звонка, ни сообщения. Ничего. Я просидела всю ночь у телефона, представляя самое худшее. Авария. Больница. Смерть. Но утром пришло сообщение: «Все в по-

рядке. Остался у друга».

У друга. У какого друга? У Полины?

Я больше не могу. Не могу притворяться, что все хорошо. Не могу делать вид, что мое сердце не разрывается на части каждую секунду.

Когда он наконец приходит домой – днем, в выходной, когда дети играют в саду – я встречаю его у двери.

— Нам нужно поговорить, – говорю я, и голос мой звучит на удивление спокойно.

Он смотрит на меня, и в его глазах – усталость. Не от работы. От меня. От этого разговора, который он не хочет вести.

— Алина...

— Нет, – перебиваю я. – На этот раз выслушай меня. Я не буду кричать. Не буду плакать. Я просто хочу услышать правду. Хотя бы раз. Скажи мне честно – ты изменяешь мне? Тишина. Долгая. Мучительная.

— Да, – говорит он наконец, и это одно слово убивает меня. Просто убивает.

Я стою, и весь мир вокруг кружится, уходит из-под ног. Да. Он сказал «да». Он не стал отрицать, оправдываться, лгать. Просто «да».

— С Полиной? – шепчу я, хотя уже знаю ответ.

— Да.

— Давно?

Он колеблется. Потом:

— Полгода.

Полгода. Шесть месяцев он жил двойной жизнью. Приходил домой, целовал меня, играл с детьми – и все это время любил другую. Полгода я была идиоткой, которая ничего не замечала, ничего не знала.

— Почему? – спрашиваю я, и голос мой дрожит. – Почему ты не сказал раньше? Почему заставлял меня жить в этой лжи?

Он отводит взгляд.

— Я не хотел ранить тебя.

Смешно. Он не хотел ранить меня. А что сейчас? Что это, если не рана? Не пытка?

— Ты любишь ее? – задаю я вопрос, на который боюсь услышать ответ.

Он молчит. Но молчание – это тоже ответ.

— Я... да. Я разлюбил тебя, Алина. Прости.

Разлюбил. Такое простое слово. Такое обыденное. Но оно уничтожает все. Абсолютно все.

— Ты разлюбил меня, – повторяю я, и это звучит как издевательство. – Когда? Когда это случилось?

— Я не знаю. Постепенно. Ты... ты не та девушка, в которую я влюбился. Ты стала... другой.

— Я родила твоих детей! – кричу я, и слезы снова текут по лицу. – Я посвятила тебе всю себя! Я отказалась от всего ради этой семьи!

— Я не просил тебя об этом, – говорит он холодно. – Ты

сама выбрала эту жизнь.

Это не он. Не мой Матвей. Этого человека я не знаю. Холодного, жестокого, равнодушного.

— Ты уходишь? – шепчу я.

Он смотрит на меня долго. Потом кивает.

— Да. Я уйду. К Полине. Мне нужны острые ощущения, новизна. Мне нужна жизнь, а не этот... быт.

Быт. Наша семья – это быт. Наши дети – это быт. Я – это быт.

— Когда? – спрашиваю я, и голос мой звучит мертво.

— Сегодня. Я уже собрал вещи.

Сегодня. Он уходит сегодня. Прямо сейчас. И мне нужно как-то это пережить. Как-то объяснить детям. Как-то продолжать жить, когда мое сердце разорвано в клочья.

Он поднимается наверх, берет сумку. Спускается. Открывает дверь. Даже не оглядывается.

— Матвей, – окликаю я, и он останавливается. – А как же дети? Саша? Лиза?

— Я буду помогать финансово, – говорит он, не оборачиваясь. – Это лучше для всех.

И уходит. Просто уходит. Дверь закрывается за ним, и я остаюсь одна. Одна в этом доме, который должен был быть нашей крепостью. Одна со своей болью, с разбитым сердцем, с осколками разрушенной жизни.

Я опускаюсь на пол и закрываю лицо руками. И плачу. Плачу так, как никогда не плакала в жизни. Из меня выры-

вается крик – животный, отчаянный, полный боли, которой не выразить словами.

Мой мир рухнул. И я не знаю, как жить дальше.

Глава 3

От лица Алины

Я думала, что знаю, что такое боль. Думала, что поняла её вкус, когда Матвей признался в измене. Когда собрал вещи и ушел, не оглянувшись. Я думала, что хуже быть не может. Я ошибалась.

Прошло две недели. Четырнадцать дней в аду, где каждое утро я просыпаюсь с надеждой, что это был кошмар. Что сейчас я открою глаза, и он будет рядом. Улыбнется мне. Скажет, что все это было ошибкой. Но каждый раз я открываю глаза и вижу пустоту. Холодную, бесконечную пустоту рядом со мной.

Дети спрашивают о папе. Каждый день. Саша молчит больше обычного, его серые глаза – такие похожие на глаза Матвея – смотрят на меня с немим вопросом, на который я не могу ответить. Лиза плачет по ночам, зовет папу, и я сижу рядом с ней, глажу по волосам и лгу, лгу, лгу. «Папа на работе. Папа вернется. Все будет хорошо». Каждая ложь разъедает меня изнутри, как кислота.

Я не сказала им правду. Не могу. Как объяснить пятилетнему ребенку, что папа разлюбил маму? Что он выбрал другую женщину? Что их семья, их мир, их безопасность – все это рухнуло, потому что взрослые не смогли справиться со своими эмоциями?

Матвей звонил один раз. Один единственный раз за эти две недели. Спросил, как дети. Я слушала его голос – такой знакомый, такой чужой – и не могла вымолвить ни слова. Просто стояла с телефоном в руке и плакала беззвучно, пока он не повесил трубку. После этого – тишина. Полная, абсолютная. Как будто меня стерли из его жизни. Как будто я никогда не существовала.

Сегодня пятница. Солнечный, теплый день. За окном поют птицы, цветут яблони. Мир продолжает жить, крутиться, существовать – и ему нет дела до того, что внутри меня все мертво. Я одеваю детей – Саша в любимую синюю футболку, Лиза в платьице с бабочками – и веду их в садик. Обычное утро. Рутинa. Я цепляюсь за эту рутину, потому что она – единственное, что держит меня на плаву. Если я остановлюсь, если позволю себе думать, чувствовать – я утону. Окончательно и бесповоротно.

Мы идем по тротуару, держась за руки. Саша сжимает мою ладонь так крепко, что больно. Он чувствует. Дети всегда чувствуют, когда что-то не так. Лиза болтает что-то о новой игрушке, которую ей подарила воспитательница, но я слышу её голос как сквозь вату. Все звуки приглушены, размыты. Я существую в каком-то параллельном измерении, где нет красок, нет звуков, нет жизни.

Мы поворачиваем за угол, и впереди – вход в садик. Еще несколько минут, и я отведу их туда, вернусь домой, закроюсь в спальне и буду лежать, уставившись в потолок, пока не

придет время забирать их обратно. Это мой день. Каждый день.

И вдруг я вижу его.

Матвея.

Сердце останавливается. Просто останавливается, и весь мир замирает вместе с ним. Он стоит у входа в кафе, метрах в двадцати от нас. В солнечных лучах, таких ярких, что больно смотреть. Высокий, красивый, в своем дорогом костюме. Мой Матвей. Нет. Не мой. Уже не мой.

И он не один.

Рядом с ним – она. Полина. Та самая женщина с фотографий, которые я изучала часами, ненавидя каждую деталь её идеального лица. Живая, реальная, здесь. Брюнетка с точеными чертами лица, в облегающем платье, на каблуках. Она смеется. Запрокидывает голову назад, и её смех звучит так легко, так беззаботно. А Матвей смотрит на неё. Смотрит так, как когда-то смотрел на меня. С обожанием. С восхищением. С любовью.

И потом он наклоняется и целует её.

Целует.

На улице. На виду у всех. На виду у меня.

Время останавливается. Все вокруг исчезает – звуки, люди, машины. Остается только эта картинка. Его губы на её губах. Его рука на её талии. Его улыбка, когда он отстраняется и смотрит на неё так, будто она – центр Вселенной.

Я не могу дышать. Воздух застревает в горле, превраща-

ется в острые осколки стекла. Сердце бьется так быстро, что я слышу его стук в ушах, громкий, оглушающий. Ноги подкашиваются, и я хватаюсь за ограду, чтобы не упасть. Нет. Не может быть. Это не он. Это сон. Кошмар. Я сейчас проснусь, и всё будет хорошо.

Но я не просыпаюсь.

Потому что это не сон.

Это реальность. Жестокая, беспощадная, уничтожающая.

— Мама, что с тобой? – голос Саши доносится откуда-то издалека. Он дергает меня за руку, и я чувствую его прикосновение, как сквозь толщу воды.

Я не могу оторвать взгляд. Не могу отвернуться. Смотрю, как они стоят там, счастливые, влюбленные. Смотрю, как он обнимает её за плечи, и они вместе идут внутрь кафе. Он не оглядывается. Не чувствует моего взгляда, моей боли. Для него я больше не существую.

— Мама! – Саша уже кричит, и в его голосе – паника.

Я опускаю взгляд на него, на моего мальчика, и вижу страх в его серых глазах. Он боится. Боится меня. Того, что со мной происходит. Я пытаюсь улыбнуться, но лицо не слушается. Губы дрожат, и я чувствую, как из глаз снова текут слезы. Когда они начались? Я не заметила.

— Всё хорошо, солнышко, – шепчу я, и голос мой звучит сломано, надтреснуто. – Всё хорошо.

Но всё не хорошо. Ничего не хорошо.

Лиза начинает плакать. Она не понимает, что происхо-

дит, но она чувствует мой страх, моё отчаяние. Дети всегда чувствуют. Она прижимается к моей ноге и всхлипывает, и эти всхлипы разрывают меня на части сильнее, чем что-либо другое.

Я должна взять себя в руки. Должна. Ради них. Ради моих детей. Я беру Лизу на руки, крепко прижимаю к себе, второй рукой сжимаю ладонь Саши. И иду. Заставляю ноги двигаться. Один шаг. Второй. Третий. Мимо того кафе, мимо того места, где только что увидела своё окончательное поражение.

Мы доходим до садика. Я передаю детей воспитательнице, целую их, говорю что-то успокаивающее, хотя сама не помню что. Саша не хочет отпускать мою руку. Он держится крепко, смотрит на меня своими большими глазами, и я вижу в них вопрос. Он знает. Мой умный мальчик знает, что что-то случилось.

— Иди, Сашенька, – шепчу я, глядя его по щеке. – Мама придет за тобой после обеда. Обещаю.

Он нерешительно отпускает мою руку и уходит внутрь, оглядываясь каждые несколько шагов. Я машу ему, улыбаюсь – или пытаюсь улыбнуться – пока дверь не закрывается за ним.

И тогда я ломаюсь.

Просто ломаюсь. Здесь. На улице. На виду у всех. Я опираюсь на стену здания и сползаю вниз, на корточки. Закрываю лицо руками и рыдаю. Рыдаю так, как не рыдала никогда. Из

меня вырываются звуки – хриплые, животные, полные боли, которую невозможно вынести. Тело трясется, сердце разрывается на куски, и я не могу остановиться. Не хочу. Пусть. Пусть весь мир видит, как я разваливаюсь на части. Мне все равно.

Тошнота подступает к горлу резко, внезапно. Я едва успеваю отползти в сторону, к урне, и меня выворачивает наизнанку. Снова и снова. Желудок сжимается болезненно, и я блюю, пока не остается ничего, кроме горькой желчи. Голова кружится, перед глазами плывут черные пятна. Я вытираю рот дрожащей рукой и снова прислоняюсь к стене.

Холод. Мне так холодно. Хотя на улице тепло, почти жарко, но меня трясет, зубы стучат, и я не могу согреться. Я обхватываю себя руками и качаюсь взад-вперед, пытаюсь унять дрожь, но это не помогает. Ничего не помогает.

Он целовал её. Прямо там. На улице. Не прячась. Не стыдясь. Целовал так, как целовал когда-то меня. Или нет. Может, он никогда не целовал меня так. Может, та страсть, то обожание, которое я видела в его взгляде, когда он смотрел на неё – всё это было ложью, когда он был со мной. Может, я всегда была лишь заменой. Тенью того, что он искал.

И он нашел. Нашёл Полину. Яркую, красивую, успешную. Всё, чем я не являюсь. Никогда не была. Никогда не буду.

Мимо проходят люди. Кто-то бросает на меня сочувствующий взгляд, кто-то – брезгливый. Кто-то останавливается, спрашивает, нужна ли помощь. Я качаю головой, машу

рукой. Уходите. Оставьте меня. Дайте мне умереть здесь, в этом переулке, под стенами детского сада, где мои дети играют, не зная, что их мама разваливается на кусочки.

Время идет. Сколько я здесь сижу? Час? Два? Не знаю. Не важно. Солнце поднимается выше, становится жарко, но холод внутри меня не отпускает. Я смотрю на свои руки – они дрожат так сильно, что я не могу их успокоить. Смотрю на свою одежду – мятая футболка, старые джинсы. Никакого макияжа. Волосы собраны в неряшливый хвост. Я – катастрофа. Жалкая, сломленная катастрофа.

А она – идеальна. Её платье сидело безупречно. Макияж безукоризненный. Причёска как с обложки журнала. Она – всё, чем я не являюсь. И Матвей выбрал её. Конечно, выбрал. Как можно было выбрать меня?

Я ненавижу себя. Ненавижу за то, что я недостаточно хороша. За то, что не смогла удержать его. За то, что растворилась в детях, в доме, в быту – и потеряла себя. Потеряла ту девушку, в которую он когда-то влюбился. Это моя вина. Вся моя вина.

Телефон вибрирует в кармане. Я достаю его дрожащими руками. Сообщение от неизвестного номера. Открываю. И замираю.

Фотография. Матвей и Полина. В том самом кафе, куда они зашли. Они сидят за столиком, держатся за руки, улыбаются друг другу. Под фотографией текст: «Твой муж выглядит счастливым. А ты?»

Кто это прислал? Кто? Кто-то из их знакомых? Кто-то, кто хочет добить меня окончательно? Мне хочется швырнуть телефон об стену, разбить его вдребезги, уничтожить эту фотографию, эту реальность. Но я не могу. Просто сижу и смотрю на экран, и слезы снова текут по щекам.

Он счастлив. Мой Матвей счастлив. Без меня. С другой. А я? Я – ничто. Пустое место. Мать его детей, которую он оставил, как ненужную вещь.

Тошнота снова накатывает волной. Я сгибаюсь пополам, хватаюсь за живот. Но меня уже не рвет. Просто сжимает, выкручивает изнутри. Боль. Физическая, настоящая. Или это эмоции? Я не могу разобрать, где заканчивается душевная боль и начинается физическая. Они слились воедино, превратились в один сплошной кошмар.

Я должна идти домой. Должна как-то дожить до обеда, забрать детей, накормить их, уложить спать. Должна продолжать функционировать, как будто я – человек, а не пустая оболочка. Я заставляю себя встать. Ноги подкашиваются, голова кружится, но я держусь за стену и медленно иду вперед. Шаг за шагом. Как зомби. Как призрак.

Люди смотрят на меня странно. Наверное, я выгляжу ужасно. Бледная, с красными опухшими глазами, в мятой одежде. Мне все равно. Пусть смотрят. Пусть судят. Что они знают о моей боли? Что они знают о том, каково это – увидеть, как твой мир рушится прямо на твоих глазах?

Я добираюсь до дома. Нашего дома. Того, который мы

строили вместе, в который я вкладывала душу, сердце, всю себя. Теперь он кажется чужим. Пустым. Холодным. Я захожу внутрь, закрываю дверь и прислоняюсь к ней. Тишина. Оглушающая, давящая тишина.

Я медленно сползаю на пол, прямо у двери. Сажусь там, обхватив колени руками, и смотрю в пустоту. Не плачу. Слезы закончились. Осталась только боль. Тупая, ноющая, бесконечная.

Он уже не мой. Он никогда больше не будет моим.

И я не знаю, как с этим жить.

Рука сама тянется к животу. Я глажу его, даже не думая, почему. Просто глажу, как будто это может унять боль. И вдруг меня осеняет. Тошнота. Головокружение. Слабость. Я списывала это на стресс, на эмоции. Но что, если...

Нет. Не может быть. Только не сейчас.

Я встаю, иду в ванную. Открываю шкафчик, достаю тест, который купила месяц назад, когда заметила задержку. Тогда я думала, что это будет радостью. Что мы с Матвеем обрадуемся третьему ребенку. Теперь эта мысль кажется издевательством судьбы.

Я делаю тест. Сажусь на краю ванны и жду. Каждая секунда длится вечность. Сердце бьется так громко, что я слышу его стук в тишине. Пожалуйста, нет. Пожалуйста. Не сейчас. Не когда мой мир разрушен. Не когда я осталась одна. Не когда я еле держусь на плаву с двумя детьми.

Две полоски.

Две яркие, отчетливые полосы.

Я беременна.

Тест выпадает из рук, звонко ударяется о кафедру. Я смотрю на него, и внутри что-то ломается окончательно. Что-то, что еще держало меня вместе. Последний осколок надежды, последняя капля силы.

Я беременна от человека, который меня бросил. От человека, который разлюбил меня. От человека, который сейчас целует другую женщину и счастлив. Счастлив, пока я здесь, одна, разбитая, с ребенком под сердцем, о котором он даже не знает.

И я не скажу ему. Никогда не скажу. Он ушел. Он выбрал другую жизнь. И в этой жизни нет места мне. Нет места нашему третьему ребенку.

Я закрываю глаза и обхватываю живот руками. Там, внутри, растет новая жизнь. Крошечная, беззащитная. Моя. Только моя. Матвей никогда не узнает о ней. О нем. О том, что он оставил меня не с двумя детьми, а с тремя.

Боль пронзает меня так сильно, что я сгибаюсь пополам, падаю на колени. Из горла вырывается крик – отчаянный, полный такой боли, которую не выразить словами. Я кричу, пока не остается сил. Кричу за себя, за своих детей, за ребенка, который еще не родился, но уже брошен отцом. Кричу, пока голос не садится, пока не остается ничего, кроме тишины.

И в этой тишине я понимаю одно: я одна. Совершенно,

окончательно одна. Мой мир разрушен. Мое сердце разбито. Моя душа изранена. Но я должна выжить. Ради Саши. Ради Лизы. Ради того крошечного существа, которое растет внутри меня.

Я должна быть сильной.

Даже если внутри от меня ничего не осталось.

Глава 4

Прошла неделя с того дня, как я узнала о беременности. Семь дней абсолютного, беспросветного ада. Я беременна. Беременна от человека, который бросил меня. Который целует другую женщину на улице. Который разлюбил меня и ушёл, даже не оглянувшись. И теперь внутри меня растёт ребёнок. Его ребёнок. Наш ребёнок. Но он никогда не узнает об этом.

Никогда.

Я лежу на полу гостиной. Снова. Уже не помню, сколько часов подряд. Может, весь день. Дети в садике. У меня есть несколько часов, когда мне не нужно притворяться, что я жива. Не нужно улыбаться, обнимать, успокаивать. Можно просто лежать здесь, на холодном полу, и чувствовать, как из меня утекает жизнь. Медленно. Неотвратно.

Потолок белый. Идеально белый. Мы вместе выбирали эту краску три года назад. Матвей настаивал на кремовом оттенке, но я хотела именно белый. Чистый, светлый. Символ нашего нового начала. Теперь я смотрю на этот потолок и вижу только пустоту. Белую, холодную, бесконечную пустоту.

Телефон лежит рядом. Он молчит. Матвей не звонит. Вообще. После того раза, когда спросил о детях – тишина. Полная. Как будто меня стерли из его жизни. Удалили,

как ненужный файл. А я всё ещё жду. Каждый раз, когда экран загорается от какого-то уведомления, сердце замирает. Может, это он? Может, он одумался? Понял, что совершил ошибку? Вернётся?

Но это не он. Никогда не он. Рекламные рассылки. Сообщения от банка. Уведомления из соцсетей, которые я больше не открываю, потому что там его жизнь. Его новая, счастливая жизнь с ней.

Я глажу живот. Там ничего не видно ещё. Совсем ничего. Но я знаю. Знаю, что внутри меня крошечное сердечко уже бьётся. Маленькое, беззащитное существо, которое ни в чём не виновато. Которое не просило, чтобы его отец оказался таким... таким предателем.

Три ребёнка. Боже. Три. Как я справлюсь? На что буду их кормить? У меня нет работы. Нет никаких навыков, кроме как быть женой и матерью. А теперь я даже не жена. Просто мать. Мать-одиночка с тремя детьми. Один из которых ещё не родился.

Слезы снова текут по вискам, стекают в волосы. Я плачу почти постоянно. Иногда громко, навзрыд, когда никого нет дома. Иногда тихо, беззвучно, пряча лицо в подушку. А иногда – как сейчас – просто лежу, и слезы текут сами, без всхлипов, без судорог. Просто текут, потому что внутри меня – один сплошной океан боли, и он переполнен.

Дверь открывается. Я вздрагиваю, быстро вытираю лицо. Нельзя, чтобы дети видели меня такой. Но это не дети.

Это моя подруга Наташа. Единственный человек, которому я рассказала, что случилось. Она заходит с пакетами, смотрит на меня – лежащую на полу в той же одежде, в которой была вчера – и качает головой.

— Алин, ты не можешь так, – говорит она мягко, опускаясь рядом со мной. – Ты должна есть. Ради ребёнка хотя бы.

Ребёнок. Да. Я забываю о нём. О ней. О том крошечном существе, которое нуждается во мне, даже если я сама разваливаюсь на части.

— Я не могу, Наташ, – шепчу я, и голос мой звучит хрипло от слёз. – Я просто не могу. Не могу вставать. Не могу есть. Не могу дышать. Больно. Так больно, что я хочу умереть.

Наташа берёт меня за руку, сжимает крепко.

— Ты не умрёшь. Не позволю. У тебя двое детей наверху. И третий под сердцем. Они нуждаются в тебе. Ты – всё, что у них есть.

Всё, что у них есть. Да. Я – всё. Потому что их отец предпочёл уйти к молодой любовнице, чем остаться с семьёй. Потому что для него мы – обуза. Скука. Предсказуемость, от которой он устал.

— Он не звонит, – говорю я, и в голосе моём слышится отчаяние. – Совсем. Даже не спрашивает о детях больше. Как будто их нет. Как будто нас никогда не было.

— Он – мерзавец, – резко говорит Наташа. – Законченный мерзавец. И ты должна забыть о нём.

Забыть. Как можно забыть человека, с которым прожила

десять лет? Который был твоим миром? Твоим всем? Как выкорчевать его из сердца, когда он въелся в каждую клеточку, каждый вдох, каждую мысль?

— Я люблю его, – признаюсь я, и эти слова разрывают меня. – Всё ещё люблю. И ненавижу себя за это.

Наташа обнимает меня. Крепко. Я прижимаюсь к ней и снова плачу. Плачу, как ребёнок, всхлипывая, задыхаясь. Она гладит меня по голове и шепчет что-то успокаивающее. Но ничто не может успокоить эту боль. Ничто.

— Алин, тебе нужно начать жить, – говорит она, когда мои всхлипы стихают. – Не для него. Для себя. Для детей. Ты должна встать с этого пола и начать бороться.

Бороться. За что? Моя жизнь кончена. Всё, о чём я мечтала, всё, что строила – рухнуло. Впереди только пустота.

— Я не знаю как, – признаюсь я.

— Я научу тебя, – обещает Наташа. – Шаг за шагом. Сегодня ты встанешь с пола. Примешь душ. Поешь. Это будет твоя победа на сегодня. Завтра – новая. И так каждый день.

Звучит так просто. Но для меня это – Эверест. Встать с пола. Принять душ. Съесть хоть что-то. Как можно делать эти обычные вещи, когда внутри всё умерло?

Но Наташа права. У меня нет выбора. Я должна. Ради Саши. Ради Лизы. Ради того маленького существа, которое растёт во мне, ничего не зная о том аде, в котором оказалась его мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.